

Алиса
РОСМАН

Лавка зелий, или
ВОСПИТАНИЕ
НЕПУТЕВЫХ МУЖЕЙ

Алиса Росман

Лавка зелий, или воспитание непутевых мужей

<https://litres.ru/74348339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я помогаю усмирить непутевых мужей несчастным женщинам. Зельями, магией и женской хитростью.

А, что мне еще оставалось после попадания в другой мир?

Мне досталась старая целительская лавка, щепотка магии, и вечно голодный кот.

А еще сосед, который пытается уличить меня, в нарушении местных законов!

И, если с абьюзерами, изменщиками и пьяницами я знаю что делать, то вот сосед точно сведет меня с ума.

Не порядок! Пора испытать самое сильное зелье на своем соседе! Приворожу этого надменного холостяка!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алиса Росман Лавка зелий, или воспитание непутевых мужей

Глава 1

Пол подо мной ходит ходуном. Сначала мне кажется, что это просто усталость или очередной приступ головокружения, с которым я борюсь уже третью неделю.

Я хватаюсь за край стеллажа с консервами, но пальцы соскальзывают с жести. Свет в торговом зале начинает мигать, превращая привычные ряды с крупой и макаронами в мелькающую черно-белую полосу. А затем — тишина.

Не та тишина, что бывает в супермаркете после закрытия. Абсолютная, вакуумная, которая давит на уши. Меня словно выдернули из реальности, оставив одну в пустоте.

А потом я падаю.

Встреча с полом выходит болезненной. В нос ударяет резкий запах пыли — старой, сухой, с примесью чего-то травяного и сладковато-приторного.

Я кашляю, открываю глаза и ничего не вижу. Только серое

марево, танцующие в луче света пылинки. Я лежу на боку, чувствуя, как под щекой шершавое дерево, а не холодный кафель магазина. Паника накрывает меня ледяной волной. Сердце колотится так сильно, что я слышу его стук в висках.

— Тихо, — шепчу я сама себе. — Тихо. Просто упала. Наверное, ударилась головой.

Я медленно приподнимаюсь на локтях и оглядываюсь. И сердце пропускает еще один удар, но уже по другой причине.

Это не супермаркет.

Я сижу на пыльном деревянном полу в комнате, которая больше всего напоминает лавку ведьмы из дешевых фильмов ужасов. Вдоль стен висятся шкафы до самого потолка, заставленные пузатыми банками, склянками из мутного стекла, пучками засохших трав, свисающими с веревок. Воздух здесь густой, тяжелый, он оседает на языке привкусом пыли и чего-то металлического.

Справа от меня — массивный прилавок из темного дерева, покрытый слоем пыли, на котором лежит раскрытая книга с пожелтевшими страницами, исписанными витиеватыми, незнакомыми буквами.

Я смотрю на свои руки. Они в пыли, но на них нет моей старой, любимой кофты с катышками, в которой я ходила на работу. На мне — длинное, до пят, платье из грубой серой ткани, которое, судя по всему, было когда-то темно-синим.

Под грудью оно стянуто ремнем, на котором висит какой-то странный амулет из потемневшего серебра.

Я ощупываю лицо — волосы, раньше собранные в небрежный хвост, теперь рассыпались по плечам тяжелыми, спутанными прядями.

— Бред, — говорю я вслух. Голос звучит глухо и чужо.

Я пытаюсь встать, но ноги подкашиваются, и я снова падаю на колени, опираясь рукой о прилавок. И тут меня накрывает.

Воспоминание — не картинка, а целый комок ощущений. Я вижу себя в нашем тесном съемном доме. Слышу, как хлопает входная дверь — он ушел на работу. Тихо и пусто. Я смотрю на его остывшую чашку кофе на столе, на экран телефона, который он забыл.

Одно движение — и я вижу эти сообщения.

«Малыш, ты не представляешь, как я хочу тебя увидеть».
«Она ничего не знает, но я ей скоро скажу. Ты единственная моя любовь».

— Нет, — выдыхаю я, прогоняя видение. — Не сейчас. Сейчас я не здесь.

Я заставляю себя дышать. Вдох — выдох. Как я учила себя делать, когда в груди разрывался ком боли. Смотрю на стены. Замечаю, что здесь есть дверь, ведущая вглубь дома, и большие, зашторенные окна, выходящие на залитую солнечным светом улицу. Но я не могу туда выйти. Я просто... не могу. Слишком страшно.

Я на четвереньках, опираясь на дрожащие руки, ползу к ближайшему шкафу. Хватаюсь за его ножку, чтобы подтя-

нуться, и случайно задеваю что-то мягкое и теплое. Я вздрагиваю и дергаюсь в сторону.

Прямо на меня смотрит огромный рыжий кот. Он сидит на нижней полке шкафа, среди запыленных книг, и смотрит на меня янтарными, немигающими глазами. Мы смотрим друг на друга. Я молчу, потому что у меня нет слов. Просто сижу на полу, растрепанная, в чужой одежде, и таращусь на кота.

Кот медленно моргает.

А затем открывает пасть. И говорит человеческим голосом. Низким, чуть хрипловатым и удивительно спокойным:

— А ты, я смотрю, не Сара.

Я даже не кричу. Мой мозг, который за последние несколько минут успел пережить землетрясение, перемещение в пространстве и видение прошлой жизни, просто отказывается обрабатывать эту информацию. Я открываю рот, но из него вырывается только какой-то сиплый звук.

Кот спрыгивает с полки. Приземляется бесшумно, грациозно, как настоящий хищник. Он делает два шага ко мне и садится, обернув хвост вокруг лап.

— Ты не Сара, — повторяет он уже настойчивее. — От тебя пахнет не так. Ты пахнешь... металлом. И большим городом. И еще чем-то странным. Пластиком, что ли.

— К-кот, — наконец выдавливаю из себя я. Голос садится, превращается в шепот.

— Допустим, — соглашается он. — Кот. Но для тебя я —

Хью. И, если ты не Сара, а Сара, судя по всему, была моей хозяйкой, то я хотел бы знать, что ты делаешь в ее доме и на ней ее платье. Знаешь, я вчера вечером закатил скандал, потому что был голоден, а она не пришла. Я подумал, она ушла в город за свежими травами. Но она не вернулась. А теперь явилась ты. — Он склоняет голову набок и щурится. — Ты ее убила?

Я фыркаю. Это выходит неожиданно, на грани истерики. Я сижу на полу в доме, где пахнет смертью и сухим корнем, перед разговаривающим котом, который только что обвинил меня в убийстве его хозяйки. И от этого всего происходящего до меня доходит одна простая и ужасная мысль.

Я хочу домой.

Я хочу в свой захламленный огород, где помидоры у меня вечно болеют фитофторой. Хочу на свою крошечную кухню, где пахнет свежемолотым кофе и геранью. Хочу, чтобы кто-нибудь сказал мне, что я не бесполезна.

Но к горлу подступает тошнота, потому что какая-то часть меня, та самая, которая три месяца назад нашла в телефоне мужа те самые сообщения, понимает: дома меня никто не ждет. Меня там просто нет. Никто не заметит моего отсутствия, потому что меня уже давно не замечали.

Я смотрю в янтарные глаза кота.

— Я не убивала Сару, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал тверже. — Я даже не знаю, кто это. Я вообще не знаю, где я. Очнулась здесь минуту назад. Я... — я запинаюсь, по-

тому что в горле пересохло. — Я хотела бы уйти. Но я не знаю, куда идти. И что вообще происходит.

Кот Хью вздыхает. С такой интонацией, будто он — седовласый профессор, уставший от глупых вопросов студентов. Он поворачивает голову в сторону зашторенного окна, прислушиваясь.

— Если ты не знаешь, что происходит, — говорит он медленно, — то тогда я тебе скажу. Ты в доме леди Сары, которая была знахаркой. И, судя по тому, что я вижу, ты пришла сюда не по своей воле. Но там, — он кивает мордой в сторону окна, — снаружи, в этом городе, тебя уже ждут проблемы.

Он поворачивается ко мне, и в его взгляде я читаю тревогу.

— У нас есть сосед напротив. Его зовут лорд Доминик. Он приставлен к нашему кварталу для надзора. Ему не нравится Сара, а его собаке не нравится я. И он идет сюда.

Я замираю.

Сквозь шум в ушах, сквозь стук собственного сердца я слышу его — тяжелые, уверенные шаги по брусчатке. Они приближаются к крыльцу.

— Почему он идет? — шепчу я.

— Наверное, он почуял неладное, — отвечает Хью, и его хвост начинает нервно подергиваться. — Или твой приход произвел слишком много шума. Знахарки не умирают просто так, а их дома не трясет понапрасну. Он идет проверить.

Шаги затихают прямо за дверью. Я слышу, как скрипнула

калитка. Слышу, как кто-то с силой, почти грубо, колотит кулаком по деревянной двери. Гулкий звук эхом разносится по лавке, заставляя пыль взметнуться в воздух. Я затаиваю дыхание, глядя на дверь. Я боюсь пошевелиться.

Кот Хью смотрит на меня с выражением, которое можно расшифровать как «Ну что, подруга, влипла ты по-крупному».

— Открывать будешь? — шепчет он, и в его голосе мелькает что-то похожее на ехидство.

Стук повторяется. Громче, настойчивее. И я понимаю, что отсидеться не получится. Этот человек — мужчина с той стороны улицы — войдет сюда, и мне придется смотреть ему в лицо.

Я поднимаюсь на ноги, чувствуя, как дрожит каждая мышца. Мое отражение мелькает в темном стекле шкафа: испуганная женщина в чужой одежде, с растрепанными волосами и глазами, которые видели слишком много за один день.

Я делаю шаг к двери. Рука тянется к ручке, но я останавливаюсь в паре сантиметров.

А что мне ему сказать? Что я заблудилась? Что я — другая знахарка? Что я вообще не из этого мира и минуту назад говорила с котом?

За дверью снова стучат. И теперь я слышу не только стук, но и скрежет — он пытается открыть дверь сам.

— Леди Сара! — раздается низкий, властный голос, от

которого по спине пробегает холодок. — Откройте немедленно. Я знаю, что вы здесь.

Я закусываю губу до боли. Руки трясутся. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, и понимаю, что не могу остановить дрожь. Позади меня, в тишине, Хью издает тихий, предупреждающий рык.

Дверная ручка дергается, и замок жалобно скрипит, поддаваясь натиску снаружи.

Глава 2

Я беру себя в руки. Сжимаю пальцами холодную бронзовую ручку, делаю глубокий вдох и рывком открываю дверь.

На пороге стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, он занимает собой почти весь дверной проем. Темные волосы коротко острижены, на квадратной челюсти — густая борода и усы, скрывающие нижнюю половину лица. На нем плотный кожаный жилет поверх светлой рубашки, на поясе — тяжелая пряжка и что-то вроде короткого меча. Он выглядит так, будто сошел с обложки исторического романа, и от этого у меня внутри все сжимается в тугий узел.

Его глаза — темные, внимательные — скользят по моему лицу, задерживаются на спутанных волосах, на платье, которое явно не по размеру, и я вижу, как в его зрачках мелькает подозрение.

— Вы не Сара, — говорит он. Голос низкий, ровный, без тени сомнения. Это не вопрос.

Я распрямляю плечи, хотя внутри все трясется, и делаю шаг вперед, чтобы прикрыть собой проход. В моей голове, как в игрушечном автомате, прокручиваются обрывки мыслей, и одна из них оказывается ярче остальных.

— Я Элино́р, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Я беру это имя из ниоткуда, оно просто возникает, как вспышка. — Элино́р Грин. Сара была моей тетей. Я при-

ехала, чтобы... вступить в наследство. Теперь это мой дом.

Он молчит. Секунду, две, три. Я чувствую, как его взгляд буквально прожигает меня насквозь. Он смотрит на мои руки, грязные и дрожащие, на подол платья, покрытый пылью, и я понимаю, как неправдоподобно это звучит.

— Странно, — произносит он медленно, растягивая слова, — что Сара ни разу не упоминала о племяннице. Я знал ее почти десять лет.

Я пожимаю плечами, пытаюсь изобразить равнодушие. В груди колотится сердце, но я заставляю себя не отводить взгляд.

— Мы не общались. Она была не очень общительной, как я слышала.

Он хмыкает. В этом звуке слышится что-то похожее на насмешку. Он делает шаг вперед, и я инстинктивно отступаю назад, чтобы не оказаться прижатой к дверному косяку.

Мужчина переступает порог, и его массивная фигура оказывается внутри лавки. Он окидывает взглядом помещение — пыльные стеллажи, засохшие травы, разбитую склянку на полу, которую я, кажется, опрокинула при падении.

— Если вы действительно родственница, — говорит он, и в его тоне появляются стальные нотки, — то должны знать: деятельность Сары была незаконной. Она лечила людей без разрешения Совета. Торговала снадобьями без лицензии. Если вы намерены продолжать ее дело, у вас будут серьезные проблемы. Я буду вынужден вмешаться.

Я молчу. Внутри все сжимается от страха, но я стараюсь сохранять невозмутимое выражение лица. Вместо ответа я делаю шаг в сторону, пропуская его взгляд в глубину комнаты, и пожимаю плечами так легко, будто мы говорим о погоде.

— Я понятия не имею, о чем вы. Я просто приехала... убраться в доме. Моя тетя была старухой с причудами. Я не собираюсь никого лечить.

Мужчина резко поворачивается ко мне. В его глазах — пристальное внимание, такое острое, что мне кажется, будто он видит меня насквозь. Он делает шаг вперед, сокращая расстояние до опасного минимума, и я чувствую запах кожи и дыма, исходящий от его одежды.

— Тогда объясните мне вот что, — говорит он, и в его голосе появляется стальная жесткость. — Только что по всему району прошла магическая вспышка. Очень мощная. Настолько мощная, что сработали защитные амулеты в соседних домах. Я почувствовал ее, даже когда стоял на своем крыльце. — Он наклоняет голову, и его борода почти касается моего плеча. — И эта вспышка пришла из этого дома. Можете объяснить?

Я чувствую, как по спине пробегает холод. Магическая вспышка. Значит, то, что произошло — землетрясение, свет, падение — это была магия. Меня сюда кто-то перенес. Или что-то.

Но я не могу ему этого сказать. Я не могу сказать ему, что

я — женщина из другого мира, которая час назад работала в супермаркете и считала себя бесполезной.

Я растягиваю губы в подобии улыбки. Я, наверное, выгляжу идиоткой, но выбора нет.

— Понятия не имею, о чем вы, — говорю я ровно. — Я просто открывала окна, чтобы проветрить. Наверное, это была какая-то штука из тетиного барахла. Там, — я машу рукой в сторону комнаты, — целая куча странных вещей. Как мне, не магу, понять, что из этого искрит, а что нет?

Он смотрит на меня с непроницаемым лицом. Я чувствую, что он не верит мне ни на грош. В воздухе повисает тяжелая, напряженная тишина. Я делаю глубокий вдох, выдерживаю его взгляд и говорю:

— Если на этом все, то у меня очень много дел. Я хочу заняться уборкой. Этот дом в ужасном состоянии, а я... у меня аллергия на пыль.

Он открывает рот, собираясь что-то сказать, но я не даю ему этого сделать. Я просто берусь за ручку двери и с силой захлопываю ее прямо перед его носом. Замок щелкает, и на секунду воцаряется полная тишина.

Я прислоняюсь к двери спиной, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. За дверью слышен приглушенный голос, кажется, он произносит что-то нецензурное. Но он не стучит снова. Через минуту я слышу тяжелые шаги по брусчатке — он уходит.

Я выдыхаю. И медленно сползаю по двери на пол. Пыль

поднимается облачком, и я кашляю, закрывая лицо ладонью.

— Черт, — шепчу я. — Черт, черт, черт.

Из-за прилавка появляется рыжая морда. Кот Хью, наконец, выходит из своего укрытия, его янтарные глаза блестят в полумраке лавки.

— Дерзко, — говорит он спокойно. — И глупо. Но дерзко. Он поверил? Нет, не поверил. Но он ушел. На сегодня.

— Хью, — я поворачиваюсь к нему, чувствуя, как в груди поднимается отчаяние, смешанное с облегчением. — Хью, скажи мне, что здесь происходит. Где я? Кто эта Сара? Кто этот человек? И что за вспышка магии, о которой он говорил? Я ничего не понимаю, у меня голова идет кругом, я хочу...

Я не успеваю договорить.

На крыльце раздаются шаги. Легкие, быстрые, почти бегущие. И следом — тихий, испуганный стук в дверь. Несколько коротких, прерывистых ударов. Я замираю на полу, глядя на дверь.

— Что это? — шепчу я.

Хью прижимает уши, и его хвост начинает нервно дергаться из стороны в сторону.

— Тебе лучше открыть, — говорит он настороженно. — Это не он.

Я медленно поднимаюсь. Ноги дрожат, но я заставляю себя подойти к двери. Снова берусь за ручку, открываю.

На пороге стоит женщина. Молодая, лет двадцати пяти, с

короткими темными волосами, которые слиплись от пота. На ней простенькое платье из грубой шерсти, которое разорвано у ворота.

Лицо у нее опухшее, под левым глазом — огромный синяк, губа разбита, а на шее — странные красные следы, похожие на ожоги от веревки. Она смотрит на меня широко открытыми, блестящими от слез глазами, и у меня в груди все переворачивается.

— Вы... вы же помощница леди Сары? — шепчет она, и голос у нее тонкий, срывающийся, как у испуганного ребенка. — Прошу вас, помогите. Я не знаю, куда мне идти. Мне сказали, что здесь помогают женщинам.

Я открываю рот, но слова застревают в горле. Я смотрю на ее разбитое лицо, на дрожащие плечи, и внутри меня поднимается горячая волна — гнев, жалость, беспомощность, все смешанное в один огромный комок.

Я вспоминаю свои собственные синяки, которые я прятала под длинными рукавами, свои слезы в ванной, когда он кричал на меня. Но та боль была душевной. А эта... эта женщина пришла ко мне с кровью на лице.

Она хватается меня за руку, и ее пальцы ледяные.

— Муж, — выдыхает она. — Он снова напился. Он убьет меня, если я вернусь. Я не могу... Прошу, сделайте что-нибудь. У вас же есть зелья? У вас есть что-то, чтобы его... усмирить? Чтобы он успокоился? Я заплачу, я найду деньги, я...

Она замолкает, глядя на меня с такой отчаянной надеждой, что у меня перехватывает дыхание.

Я хочу помочь. Я хочу ей сказать: «Да, конечно, войдите, я сделаю что-нибудь, я все улажу».

Но я молчу. Я смотрю на нее, на свое отражение в ее расширенных зрачках, и с ужасом понимаю, что не могу ей ничего дать. Я не умею делать зелья. Я не знаю, что здесь хранится в этих банках. Я вообще ничего не знаю о травах, кроме того, что в моем огороде растут помидоры и петрушка.

— Я... — начинаю я, и мой голос звучит слабо и неуверенно. — Я... я могу...

Я оборачиваюсь в поисках кота, но он куда-то исчез. На меня смотрит только пыльная пустота лавки, ряды банок с сухими растениями, которые я не в силах отличить одно от другого.

Женщина на пороге всхлипывает, и я чувствую, как ее пальцы сжимают мою ладонь.

— Пожалуйста, — шепчет она. — Мне больше не к кому идти.

А в моей голове одна-единственная мысль: что я могу сделать? Что я вообще могу?

Я смотрю на нее, на ее разбитое лицо, и понимаю, что я не умею лечить. Я умею только сажать цветы.

Глава 3

Я делаю шаг в сторону и распахиваю дверь шире.

— Входите, — говорю я, и мой голос звучит мягче, чем я ожидала. — Проходите, присядьте.

Женщина переступает порог, и я замечаю, как она вздрагивает, когда за ее спиной захлопывается дверь.

Она оглядывается по сторонам с таким же испуганным любопытством, с каким, наверное, я сама смотрела на все это полчаса назад. Ее руки трясутся, она комкает край разорванного платья.

— Садитесь, — говорю я, указывая на старый деревянный стул у прилавка. — Пожалуйста.

Она садится. Я вижу, как ее плечи опускаются, будто она несла непосильный груз и наконец сбросила его. Но как только она оказывается в покое, из нее вырывается наружу все то, что она сдерживала. Женщина начинает плакать. Тихо, прерывисто, закрывая лицо ладонями. Ее плечи ходят ходунком, из горла вырываются сдавленные всхлипы.

Я смотрю на нее и чувствую, как в груди разливается холод. Что мне делать? В моем мире я бы обняла ее, налила чай с ромашкой и просто сидела рядом молча. Но здесь я даже не знаю, как включить воду.

— Посидите, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я сейчас. Я... я сделаю вам чай.

Я отхожу к стеллажам и начинаю лихорадочно осматривать банки. Глаза разбегаются: сухие стебли, листья, корни — все выглядит одинаково пугающе.

Но что-то во мне, какой-то инстинкт, заставляет меня принюхаться. Я открываю одну из банок и чувствую знакомый, чуть мятный, прохладный аромат. Да, это мята. Обычная мята.

Я узнала бы ее даже с закрытыми глазами — у меня такая растет на подоконнике в синем горшке, который купил еще мой бывший муж, когда ему казалось, что он заботится обо мне.

Я беру щепотку сушеных листьев и отворачиваюсь к небольшой двери, которая, как я надеюсь, ведет на кухню.

Кухня оказывается маленькой и тесной, но удивительно уютной. Беленые стены, тяжелая деревянная столешница, на которой стоит глиняный кувшин с водой. В углу — массивная печь из темного камня, рядом с ней — охапка сухих дров. Я вижу чугунный чайник, закопченный, с отбитой ручкой, и медный таз для воды.

Я оглядываюсь. Нет крана. Нет плиты. Только печь. Я подхожу к ней, приседаю на корточки и открываю чугунную дверцу. Внутри — холодный пепел.

Я понимаю, что мне нужно разжечь огонь. В последний раз я делала это в детстве, когда мы ездили к бабушке в деревню. Это было больше двадцати лет назад. Я смотрю на хворост, на лучину, на кремень, который лежит рядом, и чув-

ствуую себя первобытным человеком.

— Ты справишься, — шепчу я себе. — Это просто огонь. Как в камине.

Я начинаю складывать щепки пирамидкой, как меня когда-то учил отец. Мои руки все еще трясутся, но я заставляю себя сосредоточиться.

Ударяю кремнем — искры разлетаются, но огонь не зажигается. Еще раз. Еще. На четвертый раз сухой мох начинает тлеть, и я осторожно подношу к нему лучину. Через минуту в печи разгорается маленький, робкий огонек. Я кладу поверх него более толстые дрова и закрываю дверцу, чувствуя, как по лицу расплывается улыбка облегчения.

— Неплохо, — раздается голос у меня за спиной. Я подпрыгиваю и чуть не опрокидываю кувшин.

На подоконнике сидит Хью. Его янтарные глаза блестят в отблесках огня, а рыжая шерсть кажется золотой в полумраке.

— Ты меня напугал, — говорю я, прижимая руку к груди. — Хью, что мне делать? Эта женщина... она вся избита. Я должна ей помочь, но я не знаю как. Ты видел, что там за банки? Я нашла только мяту. И я даже не уверена, что правильно ее заварила.

Кот зевает, обнажая острые белые зубы.

— Для начала успокойся, — говорит он лениво. — У тебя дрожат руки, а мята — это хорошо. Мята успокаивает. Напой ее мятным чаем и просто дай ей выплакаться. Женщи-

нам иногда нужно просто выплакаться, я заметил.

Я ставлю чайник на печь и поворачиваюсь к коту.

— А зелье? Она просила зелье, чтобы усмирить мужа.

Хью вздыхает, как будто я попросила его решить задачу по высшей математике.

— Хорошо, — говорит он нехотя. — На верхней полке, за банкой с желтыми цветами, есть порошок в холщовом мешочке. Возьми щепотку. Смешай с чаем. Не с тем, который пьешь ты, а с тем, который дашь ему. Когда он выпьет, он успокоится. Агрессия пройдет, но ненадолго. Дней на семь. Если хочешь, чтобы эффект был устойчивым, нужно давать каждый месяц.

Я замираю.

— Успокоится? Как?

— Мягко, — кот прикрывает глаза, и его голос становится чуть задумчивым. — Он просто перестанет злиться. Будет сидеть, молчать и смотреть в одну точку. Это не отрава, не бойся. Просто... временное усмирение. Но потом все вернется.

— Значит, ей нужно уйти, — говорю я тихо. — Пока он спокоен.

Кот приоткрывает один глаз и смотрит на меня с уважением, которое я не ожидала увидеть в кошачьем взгляде.

— Вот видишь, а говорила, что ничего не умеешь. Соображаешь.

Я отворачиваюсь к печи, чтобы скрыть смущение. Чай-

ник начинает закипать, и я завариваю мяту в небольшой глиняной кружке. Аромат разливается по кухне — знакомый, уютный, почти родной. Я беру кружку и возвращаюсь в лавку. Женщина все еще сидит на стуле, но уже не плачет. Она смотрит в одну точку пустым взглядом, и у меня сжимается сердце.

— Держите, — я протягиваю ей кружку. — Выпейте. Мята помогает.

Она берет чай дрожащими руками, подносит к губам и делает маленький глоток. Ее плечи расслабляются, и она выдыхает.

— Спасибо, — шепчет она. — Я... я не знаю, что бы я делала.

Я собираюсь с духом, иду к стеллажу, нахожу банку с желтыми цветами, а за ней — холщовый мешочек. Открываю его. Внутри — серый мелкий порошок, почти без запаха. Я отсыпаю щепотку на ладонь, затем, подумав, беру еще немного. Заворачиваю в чистую ткань, которую нахожу под прилавком.

— Вот, — говорю я, возвращаясь к женщине. — Это... это зелье. Дайте ему, когда он снова будет пьян или агрессивен. Только не в вино, а в воду или чай. Это успокоит его. У вас будет несколько дней, чтобы собраться.

Женщина смотрит на меня, и в ее глазах появляется искра надежды.

— Но, — я делаю паузу и сажусь напротив нее, стараясь

смотреть прямо в глаза, — это только временное решение. Пока он спокоен, вы должны уйти. У вас есть куда пойти?

Она кивает, вытирая слезы рукавом.

— Есть сестра. Она за городом. Если я смогу добраться...

— Доберетесь, — говорю я тверже, чем чувствую на самом деле. — Я дам вам еще немного порошка. На дорогу.

Я отмеряю еще одну порцию, заворачиваю в другой кусок ткани и вкладываю в ее ладонь. Она сжимает пальцы вокруг мешочка так сильно, будто это ее единственное спасение.

— Я не знаю, как вас благодарить, — говорит она.

— Не надо, — отвечаю я и понимаю, что это чистая правда.

Я провожаю ее до двери. Она уходит, и я долго смотрю на пустую улицу, на брусчатку, на противоположный дом, где в темном окне не горит свет. Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней лбом.

— Это все сон, — шепчу я. — Это просто сон. Сейчас я проснусь, и буду лежать в своей постели, а утром пойду на работу, и все будет как раньше.

— Нет, — раздается рядом низкий голос Хью. — Не сон. И это теперь твоя жизнь.

Я поворачиваюсь к нему. Он сидит на прилавке, сложив лапы.

— Но как? — спрашиваю я почти с отчаянием. — Как я здесь оказалась? Кто меня перенес?

— Не знаю, — кот равнодушно зеваает. — Магия. Это не

моя специальность. Но теперь ты здесь. И тебе нужно как-то жить.

Я закрываю глаза. Спорить с котом, который умеет разговаривать, было бы верхом безумия. Я открываю глаза и говорю:

— Хорошо. Тогда мне нужно хотя бы разобраться в этом доме. И что-то поесть. От стресса я хочу есть.

Кот спрыгивает с прилавка и направляется на кухню, помахивая рыжим хвостом.

— За мной. Я тебе все покажу.

Я начинаю с кухни. Мне нужно понять, что здесь есть. Где хранятся продукты. Чем вообще можно утолить голод. Я открываю деревянные шкафчики, и моим глазам представит скромный запас: несколько мешочков с крупой, вяленое мясо, банка с каким-то вареньем и, к моему удивлению, половина буханки хлеба — черствого, но вполне съедобного. На нижней полке я нахожу керамический горшок и снимаю с него крышку. Молоко. Еще не прокисшее.

Я смотрю на это богатство и чувствую, как к горлу подступают слезы — от радости, а не от горя. Я никогда не думала, что могу так радоваться хлебу.

Помимо продуктов, я нахожу несколько монет в маленьком кожаном кошельке, спрятанном в ящике стола. Медные, незнакомые, с каким-то узором.

— Хью, — зову я, — где здесь можно купить еду?

Кот появляется на пороге, вылизывая лапу.

— Если пойти по улице до перекрестка, там есть пекарня. Утром она открывается. У хозяина — седые усы и вредная собака. Но хлеб у него хороший.

Я прячу монеты в карман платья и возвращаюсь к уборке.

Я не могу просто сидеть. В моей голове слишком много мыслей, и я знаю, что могу успокоиться, только если мои руки будут заняты.

Поэтому я беру тряпку — старую, застиранную, но чистую — и начинаю протирать пыль. Я вспоминаю свой крошечный дом, свои бесконечные уборки в выходные, когда я оттирала плиту до блеска, скребла ванну, переставляла книги на полках.

Мой бывший муж посмеивался надо мной: «Всегда найдешь, чем заняться». Но это было моим убежищем. Это был способ почувствовать контроль над собственной жизнью.

Здесь нет средства для мытья стекол. Нет губок с абразивным слоем. Нет даже обычного мыла, которое я привыкла использовать. Но я нахожу кусок серого мыла, которое пахнет щелоком и жиром. И прохладную воду в кувшине.

Я начинаю с малого: мою посуду, которая стоит на столе — несколько тарелок, кружки, глиняный кувшин. Вода становится мутной, но посуда начинает блестеть.

Затем я принимаюсь за столешницу. Я тру ее тряпкой, смоченной в мыльной воде, пока она не становится чистой. Грязь сходит серыми разводами, и я чувствую удовлетворение от каждого нового чистого пятна.

Я перехожу к полкам. Там, где стояли банки с приправами, я перемещаю их, чтобы протереть поверхность. Я нахожу старое перо — кто-то оставил его за кувшином. И засохший лист, похожий на лавровый. Я аккуратно складываю их в сторону — может пригодиться.

Самое сложное — это плита. Сажа и копоть покрывают ее слоем, который я пытаюсь оттереть мыльной водой, но это почти невозможно.

Я нахожу в углу кусок пемзы — грубый камень, который оказался идеальным инструментом. С его помощью я счищаю нагар с чугунной решетки. Это тяжелая работа — от плиты начинает болеть спина и руки. Но я не останавливаюсь. Я переставляю чугунки, протираю дверцу, чищу золу, оставшуюся после моего первого костра.

Через час кухня начинает выглядеть почти жилой. Солнце уже встает, золотистый свет пробивается через маленькое окошко и ложится на дощатый пол. Я нахожу веник из прутьев и сметаю грязь в угол. Пыль кружится в воздухе, но это приятная пыль — та, что означает, что я привела этот дом в порядок.

Я завариваю себе мятный чай и сажусь на подоконник, обхватив кружку ладонями. Тишина. Покой. Я устала до ломоты в костях, но в этой усталости есть что-то очищающее. Я смотрю в окно.

На улице золотой рассвет. Брусчатка влажная от росы, и желтый свет делает ее похожей на старую карту. Из труб со-

седних домов поднимается дым — люди просыпаются.

Я вижу его.

Он выходит из своего дома — через дорогу, тот самый мужчина, лорд Доминик. Темные волосы растрепаны, на плечах накинут плотный плащ. Он придерживает дверь и что-то говорит кому-то внутри, затем шагает по улице.

Его походка уверенная, тяжелая. Он не замечает меня — или просто не смотрит на чужое окно. Но я вижу, как он оборачивается в сторону моего дома, и замирает на секунду, как будто чувствуя мое присутствие. Я хочу отодвинуться от окна, но не могу.

Я смотрю на него, и он смотрит на мое окно, а за моей спиной разевает пасть Хью и начинает свой обычный утренний обход по кухне в поисках еды.

Я отвожу взгляд и делаю глоток чая. Горячий, терпкий, он обжигает горло, но я не обращаю на это внимания.

Я здесь. Это не сон.

Он уходит, его фигура становится все меньше и скрывается за поворотом. А я сижу на подоконнике, смотрю на его пустой, темный дом и думаю о женщине, которая ушла с мешочком порошка в ладони. Жива ли она? Добралась ли до сестры? Смогла ли выпить она это зелье своему мужу?

Я не знаю. Мне остается только верить.

Хью запрыгивает ко мне на колени, сворачивается клубком и начинает мурлыкать.

— Теперь это твоя жизнь, — говорит он еще раз, но в его

голосе уже нет прежней строгости. Только усталая мудрость старого существа.

Я глажу его по рыжей шерсти, чувствуя, как под пальцами тепло. И смотрю на рассвет. Теперь у меня есть только этот дом. Этот кот. И набор трав, в которых я не разбираюсь.

Я думаю о своем старом огороде, о том, как я высаживала рассаду и ждала всходов. Я ни разу не была уверена, что что-то вырастет. Но всегда продолжала.

— Я справлюсь, — шепчу я тихо, и пустые стены кухни поглощают мой голос.

Я не знаю, кому говорю это — коту, себе или этому миру. Но я говорю.

Следующий день начинается с громкого, требовательного стука в дверь. Я вздрагиваю и открываю глаза.

За окном уже высоко солнце. Я уснула на подоконнике, и у меня затекла шея. Хью исчез. А стук продолжается.

— Леди Элинор! — раздается голос за дверью. И это не Доминик. Чей-то другой, более молодой, нетерпеливый. — Леди Элинор, откройте! У меня срочное дело от мэра!

Я сползаю с подоконника, поправляю платье, пытаюсь пригладить спутанные волосы.

— Не открывай, — вдруг говорит Хью, появляясь из-под стола. Его глаза тревожно блестят. — Я знаю этот голос. Это помощник мэра. Он никогда не приходит с добрыми вестями.

Я хмурюсь, но рука уже тянется к двери. Потому что что-

то внутри меня подсказывает: уйти от этого мира невозможно. Он сам меня находит.

Я открываю дверь и встречаюсь взглядом с молодым человеком в синей форме, на груди которого блестит металлический значок. Он смотрит на меня с таким сосредоточенным вниманием, будто читает мою биографию по лицу.

— Леди Грин? — переспрашивает он.

— Да, — отвечаю я, и у меня перехватывает дыхание.

— Вам вручается вызов. Мэр желает видеть вас сегодня в полдень. Вопрос о наследии вашей тетушки требует срочного разбирательства.

Он протягивает мне сложенный лист пергамента с печатью.

Я беру его. Руки дрожат. За моей спиной, под столом, кот тихо рычит, и я слышу его шепот:

— Говорил же тебе: не открывай.

Глава 4

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, сжимая в руках пергамент. Пальцы дрожат, и я чувствую, как во рту пересохло.

— И зачем я только открыла, — шепчу я.

Из-под стола вылезает рыжий кот и подходит к моим ногам. Его хвост дергается.

— Теперь ты должна идти, — говорит Хью. — И выглядеть прилично. Но сначала, может, поднимешься и посмотришь, что там наверху?

Я киваю. Поднимаюсь по узкой деревянной лестнице, которая скрипит под каждой ступенькой.

На втором этаже всего две комнаты. Первая — просторная спальня с большой кроватью под балдахином из тяжелой пыльной ткани. Окно выходит на задний двор, где когда-то, видимо, был сад. На полу — потертый ковер, у стены — массивный дубовый шкаф.

Я открываю створки шкафа. Внутри — несколько платьев. Тяжелые, темные, с высокими воротниками. Я достаю одно, прикладываю к себе и понимаю, что оно велико на целых два размера. Сара была крупнее меня, и одежда здесь явно сшита на другой силуэт.

— Это все слишком большое, — говорю я, оглядывая шкаф. — Я утону в этом.

Хью запрыгивает на кровать и садится, глядя на меня с откровенным скепсисом.

— Ты не тем занимаешься, — говорит он. — Тебе нужно думать не о том, как ты выглядишь в этих тряпках. Тебе нужно думать о том, как убедить мэрию не выгонять тебя из этого дома.

Я поворачиваюсь к нему и сжимаю в руках темное платье.

— И что ты предлагаешь?

Кот прищуривается.

— В этом мире все решается не только словами. У тебя есть доступ к травам Сары. Например, есть одно снадобье, которое добавляют в чай или в выпечку. Человек, который его выпьет, становится сговорчивым и покладистым. Можешь испечь печенье и угостить чиновников.

Я смотрю на него. И качаю головой.

— Нет.

Кот удивленно поднимает голову.

— Нет? Но это же самое простое решение.

Я откладываю платье в сторону и сажусь на край кровати.

— Я не буду поить людей сомнительными зельями, Хью. В своей прошлой жизни я работала с людьми. Я товаровед, да, но это значит, что я общалась с поставщиками, с начальством, с разными сложными личностями. И знаешь что? Мне всегда удавалось договориться. Без обмана. Без подкупа. Я умею слушать и находить подход. Если я начну с того, что буду всех опивать, это ничем хорошим не кончится. И по-

том, что я скажу, когда они очнутся? "Простите, я добавила вам успокоительное"?

Хью фыркает, но в его взгляде я вижу что-то вроде уважения.

— Хорошо, — говорит он после паузы. — Делай по-своему. Но тогда хотя бы приведи себя в порядок. Это платье действительно тебе велико, но его можно перетянуть поясом. И волосы расчеши, а то ты похожа на воробья после грозы.

Я невольно улыбаюсь.

— Где здесь местный рынок? И мэрия?

Хью вздыхает и начинает медленно перечислять:

— Если выйдешь из дома и повернешь налево, пройдешь до перекрестка, где стоит фонтан с каменной рыбкой. Налево — рынок, направо — мэрия. Это большое здание из серого камня с колоннами. Не пропустишь.

Я беру корзинку, которая стоит в углу спальни, кладу в нее кошелек с монетами и спускаюсь вниз. Надеваю платье Сары — оно действительно велико, но я перевязываю талию широким кожаным ремнем, который нахожу на вешалке в прихожей.

Волосы расчесываю пальцами и собираю в низкий пучок. Отражение в темном стекле шкафа показывает мне женщину, которая выглядит почти уверенной. Почти.

— Неплохо, — говорит Хью с порога. — Теперь иди. И помни: говори спокойно, не оправдывайся.

Я выхожу на улицу. Узкая улочка залита солнцем, и брус-

чатка нагрелась настолько, что я чувствую тепло даже сквозь подошву кожаных туфель, которые тоже нашлись в шкафу.

Я поворачиваю налево, нахожу фонтан с каменной рыбкой — он действительно есть, вода в нем чистая и прозрачная, — и иду направо.

Мэрия оказывается большим зданием из серого камня. Массивные колонны, высокие ступеньки, на которых сидят несколько горожан в ожидании. Я поднимаюсь и толкаю тяжелую дубовую дверь. Внутри прохладно и пахнет воском и бумагой. Большой холл, за длинной стойкой сидит женщина с острым лицом и в высоком воротничке.

— Я к помощнику мэра, — говорю я, стараясь звучать уверенно. — Меня вызвали.

Женщина поднимает на меня глаза, окидывает взглядом с головы до ног и кивает в сторону узкого коридора.

— Третья дверь налево. Вас ждут.

Я захожу в небольшую комнату, заставленную стопками бумаг. За столом сидит мужчина. Невысокий, с редкими волосами на макушке, в очках с тонкой оправой. Он смотрит на меня поверх очков, и его взгляд не выражает ничего, кроме легкой брезгливости.

— Леди Элинор Грин? — спрашивает он, и его голос звучит так, будто ему надоело уже само мое имя.

— Да, — я сажусь на стул напротив него, стараясь держать спину прямо. — Вы хотели видеть меня по поводу наследства моей тети.

Он откладывает перо в сторону и скрещивает руки на груди.

— Насколько я понимаю, вы заявляете о своих правах на дом и имущество леди Сары. Но у нас нет никаких документов, подтверждающих ваше родство. Сара была известной фигурой в нашем городе, и, откровенно говоря, мы удивлены, что она никогда не упоминала о племяннице. — Он делает паузу. — У вас есть какие-либо подтверждения?

Я делаю глубокий вдох и позволяю своему лицу принять озабоченное выражение.

— Мне очень жаль, — говорю я мягко. — У меня не осталось документов. Видите ли, я получила срочное письмо от тети. В нем она писала, что плохо себя чувствует и хотела бы меня увидеть. Я тут же собралась в дорогу. Но по пути на меня напали разбойники. Они забрали мои вещи, мои письма и мои документы. И — я понимаю, как это звучит, — я осталась без всяких доказательств.

Чиновник хмурится. Его брови сходятся над переносицей, и он начинает перебирать бумаги на столе с таким видом, будто ищет повод меня выгнать.

— Это звучит очень неубедительно, — говорит он сухо. — У нас нет оснований доверять вам.

Я подаюсь вперед и кладу руки на стол. Я смотрю прямо в его глаза, стараясь, чтобы мой взгляд был открытым и спокойным. За годы работы я научилась разговаривать с самыми разными людьми: с капризными директорами, с придири-

чивыми проверяющими, с поставщиками, которые пытались обмануть. И я знаю: часто достаточно просто быть вежливой и дать человеку почувствовать себя важным.

— Я понимаю ваше недоверие, — говорю я, и в моем голосе звучит искреннее уважение. — Вы выполняете свою работу, и я бы на вашем месте тоже сомневалась. Но я прошу лишь о небольшом времени. Дайте мне неделю. За это время я восстановлю документы. Или хотя бы найду кого-то, кто подтвердит мое родство. В конце концов, я не прошу вас отдавать мне состояние. Я просто хочу жить в доме своей тети, пока не разберусь с делами.

Чиновник молчит. Я вижу, как его лицо разглаживается. Моя прямота и отсутствие агрессии производят на него впечатление. В конце концов, он вздыхает и снимает очки.

— Хорошо, — говорит он нехотя. — Мы даем вам время. Ровно две недели. Если вы не подтвердите свои права, дом будет передан городу. Это не обсуждается.

Я улыбаюсь и киваю.

— Две недели — вполне достаточно. Спасибо вам за понимание.

Он отводит взгляд и возвращается к своим бумагам. Я чувствую, как наша встреча закончена.

— Можете идти, — говорит он, не поднимая глаз. — И пусть ваши документы действительно найдутся.

Я выхожу из мэрии на солнечную улицу. В груди немного легче. Две недели — это не так много, но я хотя бы не выле-

тела на улицу прямо сейчас. И теперь у меня есть цель: найти способ остаться в этом доме.

Я иду на рынок, как советовал Хью. Это место оказывается большим, шумным и невероятно колоритным. Деревянные лотки с овощами и фруктами, корзины с яйцами, горшки с медом, весы на цепях. Пахнет свежей зеленью, хлебом и лошадьми. Я покупаю несколько яблок, кусок сыра, небольшую буханку хлеба — еще горячего, от которого идет пар, — и добавляю в корзину пучок зелени, которая выглядит как наш укроп, но пахнет иначе.

Я трачу большую часть монет, но в корзинке оказывается достаточно еды на несколько дней. Я чувствую себя почти счастливой, когда выхожу с рынка и иду обратно по брусчатке.

Уже приближаясь к дому, я вижу, что у ступенек кто-то сидит.

Я замедляю шаг, разглядывая силуэт. Это женщина. Средних лет, в простом, но чистом платье, с платком на голове. Она сидит на нижней ступеньке, опершись локтями о колени, и смотрит на улицу пустым, усталым взглядом. Когда она замечает меня, она приподнимается и выпрямляется.

— Вы леди Элинор? — спрашивает она. Голос у нее низкий, с хрипотцой.

Я подхожу ближе, ощущая какую-то неловкость.

— Да, это я.

Женщина смотрит на меня с такой смесью надежды и от-

чаяния, что у меня сжимается сердце. Я еще не знаю, что она скажет, но я уже чувствую: этот день не заканчивается.

Она берет меня за руку, и на ее глазах появляются слезы.

— Мне сказали, вы помогаете женщинам. Мне сказали, вы — внучка леди Сары. — Она сглатывает. — Я не знаю, сколько еще смогу терпеть. Вы должны мне помочь.

Я стою на пороге собственного дома, с корзинкой свежего хлеба в одной руке и с рукой незнакомой женщины, сжимающей мою ладонь. И я понимаю, что этот мир не оставит меня в покое, пока я не научусь в нем жить.

— Заходите, — говорю я. И открываю дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.